

РОМАНС

КАК РУССКАЯ ИДЕЯ

Борису Штоколову — 70 лет

Независимая газета. — 2000.
— 18 марта. — с. 7

Поет Борис Штоколов.
Фото РИА «Новости»

Анастасия Дедюхина

«ГОРИ, гори, моя звезда...» — пел он в 60-е. «Гори, гори...» — звучало в 70-е. «Гори, гори...» — раздавалось с экранов в 80-е, — и звезда все горела, и сгорала на глазах нескольких поколений слушателей.

Серьезные критики и музыковеды презрительно морщились: «штоколовщина», потакание вульгарным вкусам публики... Но ни один юбилейный или праздничный концерт на высшем партийном уровне не обходился без Штоколова. Он был атрибутом любого основополагающего советского праздника, будь то 7 ноября или 1 мая — наряду с салатом оливье и «Столичной», когда за столом собирались миллионы советских семей и глядели в голубой экран. Что ж за загадочное явление «советского Шалапина», обвиняемого и обожаемого, презираемого и превозносимого?

В представлении нескольких поколений Штоколов у нас олицетворяет романс, и романс ассоциируется с ним, истинно русским басом: Россия всегда славилась именно своими басами. Вторая особенность русской певческой школы — примат драматического над чисто вокальным — и тут Штоколов в русле национальной традиции. Он настолько вошел в сознание в национальном облики, что невозможно представить его в образе западных оперных персонажей — в отличие от великих певцов, которые одинаково органичны в русском и европейском репертуаре (шалапинский Дон-Кихот, Мефистофель и т.д.). Здесь можно бросить Штоколову упрек в

творческой ограниченности — большой художник всегда универсален. Это его недостаток и особенность — эксплуатация образа. Штоколовский образ — готовая цитата из Мозза: «там были бы невыносимые терзания героев, разбитые бутылки шампанского, поездки к цыганам, водка, обмороки, каталепсия и долгие, долгие речи всех без исключения действующих лиц». Подобный стиль не без основания раздражал ученых музыковедов и посетителей камерных филармонических вечеров.

Едва ли русский, да и любой другой романс возможно делить на куски: здесь я пошлое уберу, а здесь нет. Пошел ли «Ямщик» (тот, что «не гони лошадей»)? Вульгарен, надрывен — с точки зрения профессионального музыканта. Правдив и честен — с точки зрения национального русского характера. Честен, как Достоевский со своими надрывами, мелодраматическими эффектами...

Городские бытовые романсы (мы их называем старинными русскими романсами), которые принесли Штоколову имя, обожание масс, попадание в номенклатурно-артистическую обойму, — жанр опасный в своем демократизме и эмоциональной открытости. Романс Штоколова в ближайшем родстве с русской народной песней. Он и сам говорил, что учился у русской песни — отсюда сотрудничество с русским народным оркестром, воспринимаемое сегодня как изрядно поднадоевший кич. Да и у кого было учиться сибиряку, служившему на флоте, находящемуся у самых «корней»? Главное, чему он выучился: в массово-бытовом жанре исполнитель и слушатель сливаются в одно целое. Песня поется для себя, в быту, за

работой, за столом, не для публики. И секрет необыкновенной популярности Штоколова, быть может, в неизменности самовыражения — начинал с песен под гитару, закончил на сцене с оркестром, а, по сути, пел от избытка русского.

Является ли романс штоколовской огранки классическим? Тут можно идти от двух факторов. Музыка классическая призвана пробудить работу интеллекта (даже на уровне чувств), романс же — апелляция к эмоциям без рефлексии. Но первоначальная музыка считается порождением невыражаемых эмоций, и всплеск страсти не свидетельство дурного качества. С другой стороны, вспоминается латинский «классикус» — образцовый. Образец ли романс Штоколова? Безусловный — стоит взглянуть на тысячи артистов, «срубленных» под Штоколова, как когда-то сам Штоколов «работал» под Шалапина. И тут кроется огромное различие между «штоколятами» и прототипом. Штоколов сказал как-то: «Нам необходимо учиться у Шалапина, но осмысленно. Можно копировать технику, использовать приемы, но невозможно подражать в творческом процессе, ибо невозможно копировать чужую душу». А романс Штоколова — душа русского народа, глядящая на мир глазами советского.

Романс образца Штоколова — странная вещь, балансирующая на грани классики и эстрады, художественности и пошлости, высоких мыслей и примитивной чувственности. Он несет в себе правду о судьбе народа и, быть может, ту самую национальную идею, в поисках которой мечутся сейчас все профессионалы и дилетанты от искусства. ■